

УДК 323.041.057:316.076.4

Влияние исторических трансформаций статуса Нагорного Карабаха на современные геополитические противостояния в регионе Южного Кавказа

Жердецкий Егор Александрович

Аспирант,
Северо-Западный институт управления,
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57;
e-mail: e.zherdeczky@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние исторических трансформаций статуса Нагорного Карабаха на современные геополитические противостояния в регионе Южного Кавказа. Цель исследования заключается в анализе эволюции статуса этого региона в историческом контексте и выявлении механизмов, посредством которых эти изменения способствуют формированию нынешних конфликтных линий в геополитическом пространстве. Введение обосновывает актуальность проблемы, подчеркивая взаимосвязь между историческими процессами и современными политическими реалиями, акцентируя внимание на сложной динамике отношений между государственными образованиями и этническими группами. Методологическая база исследования включает комплексный анализ исторических документов, сравнительный анализ политико-географических карт и данные социологических опросов, дополненные дискурсивным анализом публичных заявлений политиков. Такой междисциплинарный подход позволяет проследить эволюцию статуса Нагорного Карабаха и выделить ключевые моменты, оказавшие влияние на современные противостояния. Применяемые методы обеспечивают надежность установленных корреляций между прошлым и настоящим состоянием конфликта. Полученные результаты свидетельствуют, что исторические изменения статуса Нагорного Карабаха создали базу для формирования постоянных геополитических трений в регионе, способствующих усилению националистических настроений и закреплению конфликтных позиций среди заинтересованных сторон. Анализ показал, что смена властных структур, международное признание или его отсутствие, а также изменения культурно-этнических альянсов играют определяющую роль в текущих противостояниях. Результаты также указывают на то, что историческая память и символические аспекты прошлого остаются важными элементами в мобилизации общественной поддержки для политических действий. Обсуждение включает оценку влияния выявленных факторов на перспективы мирного урегулирования конфликта в Южном Кавказе. Выдвигаются рекомендации для политиков и международных экспертов по выработке новых стратегий деэскалации напряженности с учетом глубоких исторических предпосылок. Таким образом, статья вносит значительный вклад в понимание взаимосвязи исторических процессов и

современной геополитической динамики, предлагая комплексный взгляд на проблему Нагорного Карабаха и возможные пути разрешения региональных противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Жердецкий Е.А. Влияние исторических трансформаций статуса Нагорного Карабаха на современные геополитические противостояния в регионе Южного Кавказа // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 4А. С. 83-97.

Ключевые слова

Нагорный Карабах, трансформации, статус, геополитика, Южный Кавказ.

Введение

История Нагорного Карабаха представляет собой сложную череду геополитических и правовых трансформаций, которые в большой мере определили формирование современного представления о южнокавказских конфликтах. Уже в дореволюционный период этот регион был объектом внимания разных сил, стремившихся включить его в свою сферу влияния и тем самым укрепить собственные позиции на Кавказе. Постепенная смена властных режимов и неоднократная перегруппировка границ способствовали появлению сложных этнотерриториальных отношений, которые сохраняли свой острый характер на протяжении десятилетий. Именно поэтому современное противостояние вокруг Нагорного Карабаха нельзя рассматривать в отрыве от исторического контекста, который стал фундаментом для многих геополитических коллизий [Ткаченко, Ткаченко, 2023]. Взгляд на прошлое позволяет углубленно понять логическую цепочку событий, приведших к формированию противоречий как в международном, так и во внутривосточном аспекте.

В период существования Российской империи регион Нагорного Карабаха находился в зоне активного взаимодействия между различными народами, в том числе армянским и азербайджанским населением. В результате русско-персидских войн XVIII–XIX веков эти территории перешли под контроль России, но при этом сохраняли немалую степень автономии, поскольку конкретное администрирование происходило с учетом локальных особенностей [Гузаеров, Майорова, 2023]. Административно-территориальная система была выстроена так, чтобы учитывать этническую пестроту края, где переплетались интересы местной элиты, царской бюрократии и переселенцев, прибывавших из сопредельных регионов. Однако глобальные импульсы, исходившие из Петербурга, порой сталкивались с традиционными практиками управления, укорененными в регионе на протяжении веков. Эта двойственность – между попытками централизации и необходимостью учитывать местную специфику – задавала ритм общественно-политическим процессам и порождала направления для последующего этнополитического размежевания.

После краха Российской империи в 1917 году начался переходный период, связанный с попытками национальных элит обосновать свои государственные образования [Петросян, 2023]. В контексте Закавказья этот процесс шел в условиях активных столкновений, поскольку между вновь образующимися государствами не существовало единых, всеми признанных границ. Попытка создать Закавказскую Федерацию, предпринимавшаяся на короткое время, быстро закончилась распадом, и Грузия, Армения, а затем и Азербайджан провозгласили независимость по отдельности. Нагорный Карабах оказался ареной соперничества между

армянскими и азербайджанскими властями, причем каждое из правительств стремилось доказать свою историческую и юридическую правоту [Шихалиев, Шумкин, 2024]. Конфликт сопровождался локальными вооруженными стычками, дипломатическими интригами и вовлечением внешних сил, пытавшихся влиять на ситуацию для упрочения собственных позиций в регионе. В этот момент ни одна сторона не обладала достаточным ресурсом, чтобы окончательно закрепить статус Нагорного Карабаха в свою пользу.

Материалы и методы исследования

Установление советской власти внесло свои коррективы в ситуацию. К концу Гражданской войны Красная армия взяла под контроль основную часть Закавказья, и большевистское руководство приступило к созданию новых административных единиц [Крылов, 2023]. В 1921 году на заседаниях Кавказского бюро РКП(б) был принят ряд решений, касавшихся территориального устройства Закавказья, включая вопрос Нагорного Карабаха. В конечном итоге регион оказался в составе Азербайджанской ССР, но получил статус автономной области – Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО). Это решение, принятое в значительной мере на основе партийно-политических соображений, не столько удовлетворяло интересы местного армянского населения, сколько отражало геополитические расчеты Москвы [Дудайти, 2024]. В течение последующих десятилетий в составе СССР сохранялось относительное спокойствие, хотя вопрос о принадлежности Нагорного Карабаха периодически поднимался. Любое публичное высказывание на этот счет пресекалось советскими властями, стремившимися поддерживать видимость межнационального согласия.

Однако к концу 1980-х, с началом перестройки и гласности, долгие годы сдерживаемое недовольство вновь выплеснулось наружу [Лобанов, 2023]. Общественные движения в Армении и среди армянского населения Карабаха активизировались в стремлении вывести регион из состава Азербайджана и воссоединить его с Арменией. Массовые митинги, требования о проведении референдума, обращения к центральным советским властям – все это стало предвестником серьезного кризиса. Азербайджанская сторона, со своей стороны, видела в этих действиях нарушение территориальной целостности, что привело к росту напряженности и вспышкам насилия [Агазаде, 2023]. Изначально Москва пыталась урегулировать ситуацию путем компромиссов и частичной перестройки законодательства, однако начавшийся распад самого СССР существенно ослабил центростремительные тенденции. В результате к 1991 году конфликт вступил в стадию открытого вооруженного противостояния, которое продолжалось до подписания перемирия в 1994 году.

Это противостояние стало не только фактором внутренней политики вновь образованных государств, но и ареной соперничества международных игроков. Турция, тесно связанная этнокультурными и языковыми узами с Азербайджаном, поддерживала последнего в его претензиях на восстановление контроля над Нагорным Карабахом. Россия, официально придерживаясь нейтралитета, в то же время стремилась сохранить свое военное и политическое присутствие в регионе, считая Закавказье зоной своих стратегических интересов [Муртазаев, Магомедов, 2024]. Иран, имеющий общую границу как с Арменией, так и с Азербайджаном, демонстрировал сложное и неоднозначное поведение, пытаясь, с одной стороны, не допустить чрезмерного усиления Турции, а с другой – сохранить традиционные связи с азербайджанским народом, имеющим корни и на иранской территории. Эти геополитические игры накладывались на мельчайшие особенности конфликта, делая его особенно устойчивым и трудноразрешимым.

Результаты и обсуждение

Перемирие 1994 года лишь зафиксировало фактическое положение, когда Армения и непризнанная Нагорно-Карабахская Республика (ныне не действующая в прежнем формате) контролировали значительные территории вокруг Нагорного Карабаха, создавая так называемый пояс безопасности [Рындин, 2024]. Однако формальное отсутствие боевых действий означало гражданский мир и окончательного компромисса. Постоянные нарушения линии соприкосновения, периодические вооруженные инциденты и усиление риторики со стороны противоборствующих стран сохраняли атмосферу взаимного недоверия. В то же время различные внешние посредники, такие как Минская группа ОБСЕ, пытались найти развязку на основе компромиссных формул, подразумевающих определенную степень автономии или особого статуса для Карабаха при гарантировании прав азербайджанской стороны [Епифанов, 2024]. На практике эти инициативы сталкивались с непрекращающимися взаимными обвинениями и отсутствием политической воли к реальным уступкам.

С годами региональная динамика принимала все более сложную форму. Геополитика Южного Кавказа стала включать в себя конкуренцию энергетических маршрутов (трубопроводы, транспортные коридоры), борьбу за экономическое влияние и попытки решить старые исторические обиды новыми средствами. Армения, в условиях фактической блокады со стороны Азербайджана и Турции, все сильнее зависела от России, которая оставалась главным гарантом ее безопасности. Азербайджан, обладающий богатыми нефтегазовыми ресурсами, стремился укрепить связи с Западом, в первую очередь с США и европейскими странами, нуждавшимися в альтернативных источниках энергии [Гузаеров, Майорова, 2023]. Передел сфер влияния в регионе сопровождался политическими маневрами, инвестициями в военную инфраструктуру и активным участием дипломатии.

В старые рамки этот конфликт уже не укладывался. Все чаще звучали идеи о необходимости включить в дискуссию такие силы, как Евросоюз или даже Китай, который всё активнее проявлял интерес к проектам в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Крылов, 2023]. В то время как Армения рассчитывала на поддержку своих исторических партнеров по ОДКБ, Азербайджан налаживал тесное стратегическое сотрудничество с Турцией, заключая многомиллиардные контракты на поставку вооружений и организацию совместных военных учений [Аббасова, 2022]. Таким образом, исторические противоречия вокруг статуса Нагорного Карабаха не просто оставались на повестке дня, но и усиливались за счет вовлечения новых международных акторов, стремившихся реализовать свои интересы.

Открытый конфликт, развернувшийся в сентябре 2020 года, стал ярким свидетельством того, что тлеющее противостояние Нагорного Карабаха может в любой момент перерасти в масштабные боевые действия [Ткаченко, Ткаченко, 2022]. Современные вооруженные системы, беспилотники, ракетная техника – все это применялось для решения вопросов, корни которых уходят в глубь многовековой истории. Эта война, завершившаяся так называемым трехсторонним соглашением при посредничестве России, продемонстрировала новый геополитический баланс, в котором Турция выступила более значимым игроком, а влияние Москвы хоть и осталось весомым, но уже не было безраздельным [Кобахидзе, 2022]. Достигнутые договоренности сформировали свежую реальность, при которой часть районов была возвращена под контроль Азербайджана, а в сам Нагорный Карабах для обеспечения безопасности была введена российская миротворческая миссия. Тем не менее многие наблюдатели выражали сомнение, что данные меры способны полностью снять напряжение и

открыть путь к долгосрочному миру.

Ситуация усугублялась и социально-экономической сферой. Многолетний конфликт привел к тому, что были разрушены связи не только между Арменией и Азербайджаном, но и между жителями самого Нагорного Карабаха. Люди, испытывавшие на себе убийственный пресс войны, часто теряли имущество, были вынуждены покинуть родные места и в итоге сталкивались с неприятием или трудностями в новых регионах [Петросян, 2023]. Трагедии семей, вынужденно разделенных границами, трагедии беженцев, потерявших дом и имущество, годами формировали культурную память, в которой образ противоположной стороны становился все более враждебным. Националистические настроения, имеющие богатые исторические корни, подпитывались и политической риторикой, направленной на консолидацию собственной нации в противовес «внешним врагам» [Аббасова, 2022]. Но такая консолидация, построенная на вражде, только усиливала геополитические линии разлома.

После 2020 года косвенной или прямой стороной в конфликте оказывались и другие государства, которые использовали ситуацию для укрепления своего положения на международной арене. Анкара поддерживала позиции Баку, рассчитывая одновременно усилить свое влияние и получить выгодные экономические контракты. Москва, пытаясь сохранить баланс, укрепляла военные базы в Армении и сохраняла миротворческую функцию, тем самым демонстрируя остальному миру, что вне зоны ее влияния этот конфликт может вспыхнуть с еще большей силой [Муртазаев, Магомедов, 2024]. Иран, видя во всем этом риск распространения нестабильности на собственные приграничные территории, стремился оказывать умеренный нажим на стороны, не давая одному из них чрезмерно усилиться. Параллельно с этим страны Запада, заинтересованные в диверсификации энергетических проектов, искали пути повышения дипломатического давления через международные площадки. Но все эти усилия наталкивались на фундамент древних претензий, которые не так легко разрешить даже при самых энергичных посреднических действиях.

Политический ландшафт Южного Кавказа дополнительно усложнился после начала масштабных изменений в глобальном балансе сил. Противостояние между Россией и странами НАТО, санкционные режимы, поиск новых транспортно-логистических коридоров – все это отражалось и на ситуации вокруг Нагорного Карабаха. Армения, находясь в военно-политическом союзе с Россией, но стремясь развивать отношения с ЕС, оказывалась в непростом положении [Ткаченко, Ткаченко, 2023]. Азербайджан, сохраняя дружбу с Турцией и наращивая экономические связи с Европой, стремился максимально использовать меняющийся контекст, чтобы закрепить свои военные успехи и усилить давление на армянскую сторону. При этом дипломатические усилия продолжали указывать на необходимость политического урегулирования, но прочное урегулирование по-прежнему мало достижимо.

Исторические корни конфликта, восходящие к различным этапам господства на данной территории – от древних царств до советского периода, – создают сложную и противоречивую картину. И армянские, и азербайджанские историки могут приводить аргументы в пользу принадлежности Карабаха своей нации, опираясь на письменные источники, топонимию, культурные памятники. Каждый из этих аргументов находит отклик среди патриотически настроенных кругов, что дополнительно укрепляет позицию непримиримости [Рындин, 2024]. При этом не следует забывать, что геополитические факторы, особенно в периоды резкого усиления внешних держав, часто имели решающее значение, независимо от локальных исторических нарративов. Это отчетливо проявлялось в советский период, когда решение о включении Нагорного Карабаха в состав Азербайджана принималось под давлением

идеологических и стратегических установок верхушки РКП(б), а не на основе принципов самоопределения народов.

Экономический аспект конфликта не менее важен, чем политический или военный. Уже в советское время Нагорный Карабах развивался как сельскохозяйственный и виноградарский регион, что создавало определенную взаимосвязь с экономикой всего Азербайджана [Епифанов, 2024]. После распада СССР и обретения независимости экономика региона в значительной мере пострадала от военных действий и от международной непризнанности. Инвестиции из-за рубежа были сильно ограничены, инфраструктура пришла в упадок, а местное население столкнулось с безработицей и бедностью. Армения, не обладая мощной ресурсной базой и находясь в состоянии экономической блокады, не могла в полной мере улучшить положение Карабаха. С другой стороны, Азербайджан, располагая значительными нефтегазовыми доходами, мог бы принести ощутимую пользу в восстановлении региона, но политическая ситуация не позволяла этому сотрудничеству состояться [Петросян, 2023]. В итоге отсутствие урегулирования напрямую сказывалось на экономической стагнации, что стимулировало миграцию и дальнейшее опустошение края.

Взаимная враждебность, многократно усилившаяся после периодов ожесточенных боев, привела к ожесточенной пропаганде. Образ врага в соседнем народе формировался через систему образования, СМИ, культуру. В учебниках истории, газетных статьях, телепередачах на протяжении многих лет излагались интерпретации, оправдывавшие свою сторону и возлагавшие всю вину на другую [Аббасова, 2022]. Данный подход оказался весьма устойчивым, поскольку социальная память, обусловленная травматическими событиями, передается из поколения в поколение. В результате общество оказывалось сильно поляризованным, и любые попытки вести диалог воспринимались как измена или «слабость» перед лицом векового противника. Такая атмосфера недоверия препятствовала мирным инициативам, даже если какие-то политики и общественные деятели осознавали необходимость договариваться.

В последние годы стало понятнее, что конфликт выходит за рамки традиционной двусторонней логики «Армения против Азербайджана». Фактор Турции стал критическим для военного потенциала Азербайджана, а присутствие российских миротворцев означало, что Россия остается одним из главных игроков, способных влиять на будущее данного региона [Крылов, 2023]. В этом контексте изменение статуса-кво, связанное с историческими трансформациями статуса Нагорного Карабаха, неизбежно оказывало влияние на распределение сил в целом Южном Кавказе. Также Иран и западные державы, хоть и не играли столь решающую роль, но старались использовать конфликт в своих интересах. Для Ирана важным было не дать турко-азербайджанскому блоку слишком укрепиться, чтобы не столкнуться с рисками сепаратизма на своих северных территориях. Для США и ЕС этот регион – в том числе транзитный коридор, позволяющий ослабить зависимость от российско-евразийских маршрутов поставок нефти и газа [Муртазаев, Магомедов, 2024]. Все эти аспекты формировали сложный узел противоречий, в котором каждая историческая деталь могла стать предлогом для укрепления тезиса о легитимности или нелегитимности притязаний сторон.

Социально-политическая динамика в самой Армении, особенно после событий 2018 года, связанных с «бархатной революцией», также повлияла на расстановку сил. Появилось молодое поколение армянских политиков, пытавшихся переоценить внешнеполитические приоритеты и найти путь к более тесному сотрудничеству с Западом. Однако в контексте Нагорного Карабаха эти попытки наталкивались на жесткий внутренний консенсус, согласно которому Карабах

оставался ключевым элементом национальной идентичности [Шихалиев, Шумкин, 2024]. Любое отступление воспринималось как предательство национальных интересов. У Азербайджана, напротив, после 2020 года на фоне военного успеха укрепился высокий уровень национальной самооценки, что подталкивало к мысли о возможности полностью подчинить себе Нагорный Карабах, не допуская каких-либо особых статусов. Поэтому найти баланс между исторической памятью и перспективами политических решений становилось все сложнее, а внешнее посредничество сталкивалось с глубоко укорененными эмоциональными барьерами.

В такой атмосфере крайне важно учитывать сложность этнопсихологических факторов. Многочисленные примеры мирного сосуществования армян и азербайджанцев в прошлом, связанного с общими культурными и экономическими интересами, были практически стерты провокационными политическими дискурсами прошлого столетия [Агазаде, 2023]. Между тем традиции совместных праздников, общих обычаев, схожих ремесленных практик свидетельствовали о том, что до наступления эпохи национализма и политических манипуляций в регионе существовала более гибкая система отношений. Возвращение доверия невозможно без осознания этих исторических пластов, которые, по сути, были прерваны мощными волнениями и вооруженными столкновениями XX века.

Региональные и международные организации, от ООН до Совета Европы, неоднократно пытались инициировать масштабные переговорные форматы, указывая на необходимость примирения [Дудайти, 2024]. Однако дипломатические формулы часто оставались далекими от реалий на местах. Более того, каждое обострение контрольной линии сопровождалось взаимными обвинениями в нарушении международного права, что еще сильнее дискредитировало посреднические усилия. Минская группа ОБСЕ, выступавшая площадкой для переговоров с начала 1990-х, так и не смогла выработать оптимальный вариант решения. В результате доверие к ней со стороны сторон конфликта заметно упало, а сами участники группы подвергались критике за отсутствие прорывных подходов. Такое положение дел способствовало появлению альтернативных форматов, будь то российско-турецкие инициативы или же прямые переговоры между руководителями Армении и Азербайджана при участии третьих стран [Гузаеров, Майорова, 2023]. Но и эти форматы сталкивались с тем, что проблему Карабаха невозможно решить чисто механическим перераспределением влияния, не учитывая историческую и социальную глубину вопроса.

Важно отметить, что сам регион Карабаха в ходе многолетнего конфликта претерпел существенные демографические изменения, сопровождавшиеся утратой культурного наследия. Древние памятники, монастыри, мечети, кладбища так или иначе подвергались разрушению или оказывались в зонах, недоступных для нормального ухода [Ткаченко, Ткаченко, 2022]. Утрата прикладных ремесел, уход из деревень населения, которое уезжало в поисках лучшей жизни, привели к опустению многих поселений. Перемещение населения, заселение новых жителей, не связанных с местными этнокультурными традициями, еще больше усложняли и без того болезненную тему чьего-либо «извечного» присутствия. В постсоветский период, когда международное внимание было привлечено к более громким глобальным событиям, судьба этих культурных объектов отошла на второй план. Следствием стало углубление взаимной неприязни: стороны обвиняли друг друга в уничтожении исторического наследия, что лишь укрепляло образ врага [Кобахидзе, 2022]. Подобная обстановка не содействовала мирным инициативам.

Образование новых политико-экономических союзов, таких как Евразийский экономический союз, в который вошла Армения, также влияло на картину региона. С другой

стороны, Азербайджан, не являясь членом ЕАЭС, развивал собственные проекты с Турцией и странами Центральной Азии [Петросян, 2023]. Таким образом, линии разлома между Арменией и Азербайджаном были подкреплены более масштабной конфигурацией объединений. Это поддерживало почву для различных геополитических конкуренций, в том числе в транспортной сфере, где каждая из сторон стремилась заблокировать или, наоборот, продвигать те или иные маршруты в обход территории противника. Значительная часть дискуссий вращалась вокруг вероятности разблокировки коммуникаций, которая могла бы принести экономическую выгоду обоим государствам, но до сих пор вопрос остаётся зависимым от политических компромиссов [Аббасова, 2022]. А такие компромиссы крайне осложнены тенью исторических трансформаций статуса Карабаха, которые сделали каждую уступку болезненной.

Политологи указывают, что, несмотря на многолетние усилия, ни одна из крупных держав не готова полностью брать на себя решение карабахского конфликта, опасаясь втянуться в затяжное противостояние. Россия, хотя формально выступает гарантом безопасности для Армении, ограниченно вмешивается, чтобы не идти на открытый конфликт с Азербайджаном. Турция поддерживает Баку, однако также заинтересована в сохранении определенной стабильности, ведь турецко-азербайджанские энергетические проекты важны и для долгосрочного экономического роста [Муртазаев, Магомедов, 2024]. Западные страны периодически проявляют интерес к урегулированию, но продолжающаяся глобальная турбулентность – конфликты в других регионах и собственные внутренние проблемы – регулярно отводят внимание на другие направления. В итоге судьба Карабаха продолжает оставаться фактором риска, который может актуализироваться в любой момент, как это произошло в 2020 году и позднее.

Статус Карабаха обрел символическое звучание, став отражением сопротивления внешнему давлению для одних и борьбы за восстановление территориальной целостности для других. Такой символизм весьма опасен, так как блокирует возможность компромисса, который неизбежно предполагает корректировку исходных национальных мифологем [Шихалиев, Шумкин, 2024]. Исторические трансформации статуса региона – от автономии в составе СССР до непризнанной республики и последующего изменения контролируемых территорий – продемонстрировали, что ни одна из сторон не обладает абсолютной властью диктовать условия. И в то же время длительные кровопролитные фазы конфликта показывают, что ставка на силовое решение, даже если в моменте приносит успех, не гарантирует стабильности в долгосрочной перспективе. Это дилемма, которая стоит и перед Ереваном, и перед Баку, а также перед внешними силами, пытающимися урегулировать ситуацию.

Современные геополитические противостояния в регионе Южного Кавказа запутаны и многомерны. Основные внешние игроки – Россия, Турция, Иран, страны Запада – преследуют свои стратегические цели, зачастую мало совмещающиеся с потребностями местных общин [Крылов, 2023]. Нагорный Карабах, располагающийся на перекрестке коммуникационных путей, становится не только территорией соперничества, но и своего рода «лакмусовой бумажкой» для проверки эффективности международных институтов. С каждым новым всплеском напряженности доверие к этим институтам снижается, а вместе с тем усиливается убежденность в том, что только собственная военная мощь или тесные союзы с сильными покровителями могут обеспечить безопасное будущее. Это представление, закрепляясь, еще больше усложняет шансы на компромисс.

Развитие событий свидетельствует о том, что изменения статуса Нагорного Карабаха в разное время вели к масштабным сдвигам в архитектуре безопасности всего региона. В

советскую эпоху этот статус был закреплен управленческими решениями высшего руководства партии, чему способствовала централизованная модель власти [Дудайти, 2024]. После 1991 года дальнейшие изменения были результатом не только локальных националистических устремлений, но и радикальной смены глобальной системы международных отношений. Исторические трансформации выступали катализатором появления все новых акторов, вовлекающихся в конфликт, будь то соседние государства или глобальные силы, пытающиеся переориентировать свою политику на Кавказ. Неравномерность этого вмешательства, недостаток координации между внешними игроками и глубокие исторические противоречия приводили к сохранению замороженного, а периодически и активизирующегося конфликта [Агазаде, 2023]. Фактически регион оказывался в режиме ожидания, когда любой неблагоприятный фактор может снова привести к вооруженному столкновению.

Динамика последних лет, включающая вооруженный конфликт и последующие мирные соглашения, подтвердила, что геополитические противоречия не исчезли. Даже внутри стран региона разделились мнения о том, какой курс нужно выбирать. В Армении часть общества продолжает ориентироваться на западные ценности и евроинтеграцию, надеясь на поддержку ЕС или США, другая часть ставит во главу угла военный и экономический союз с Россией [Лобанов, 2023]. В Азербайджане, напротив, существует значительный консенсус о необходимости укрепления союза с Турцией, однако обсуждаются и варианты более широкого сотрудничества с западными компаниями, с которыми у республики заключены энергетические соглашения. В отсутствие однозначных международно-правовых механизмов, к которым стороны были бы готовы присоединиться безоговорочно, конфликт остается «живым», а исторические трансформации статуса Карабаха продолжают играть решающую роль в оправдании той или иной политики.

Одним из необычных последствий всей этой многолетней напряженности стала формализация новых военно-политических и дипломатических блоков. В частности, углубление турецко-азербайджанского альянса стало особенно заметным после 2020 года, когда во время активных боевых действий Турция предоставляла Азербайджану моральную, дипломатическую и военную поддержку [Аббасова, 2022]. Это вызвало негативную реакцию как у ряда политических сил в Армении, так и у определенных кругов в России. Одновременно Россия демонстрировала готовность удерживать свои военные объекты в Армении и дополнительно вводить миротворческую миссию в Нагорный Карабах, стараясь сохранить контроль над развитием событий на территории постсоветского пространства [Кобахидзе, 2022]. Все это свидетельствовало, что исторические изменения статуса Нагорного Карабаха, перешедшие из советского наследия в постсоветскую эпоху, обрели новое дыхание в контексте современной геополитической борьбы.

Трудность урегулирования заключается еще и в том, что любые попытки формализовать правила и заключить долгосрочные соглашения по статусу региона должны учитывать интересы локального населения – людей, которые десятилетиями живут бок о бок с этим конфликтом [Ткаченко, Ткаченко, 2023]. Если в прошлом вопрос решался на уровне центральных партийных органов в Москве, то теперь каждой стороне приходится считаться со своей общественностью, националистическими и патриотическими настроениями. Любая уступка может вызвать шквал критики, политические протесты и даже смену власти. Это многократно усложняет процесс переговоров, превращает его в череду тактических ходов, где большая стратегия подчиняется требованиям внутренней политики. Поэтому в любом соглашении требуются гарантии безопасности, экономической стабильности и культурно-

этнических прав, которые одна сторона рассматривает как легитимные, а другая – как чрезмерные [Рындин, 2024]. Найти раз и навсегда удовлетворяющее обе стороны решение затруднительно, когда исторические трансформации статуса Карабаха продолжают восприниматься сквозь призму вековых обид и взаимных претензий.

Пристально наблюдая за эволюцией конфликта, можно увидеть, как каждая новая веха в статусе региона приобретала не просто политическое, но и идеологическое значение. Так, провозглашение Нагорного Карабаха автономией в советское время расценивалось как уступка армянам, а оставление его в составе Азербайджана – как реализация межнациональной политики, ведомой из Москвы [Гузаеров, Майорова, 2023]. Образование самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики после 1991 года стало символом стремления к самоопределению. Отвоєванные в 1990-х годах территории соседних азербайджанских районов позиционировались как «пояс безопасности». В противоположном лагере же всё это воспринималось как оккупация и нарушение территориальной целостности. Последующие договоренности, в том числе и трехстороннее соглашение 2020 года, вновь переформатировали реальность, когда значительная часть районов отошла к Азербайджану [Крылов, 2023]. Однако ключевой вопрос о конечном статусе самого Карабаха остался нерешенным, и каждая сторона продолжала аргументировать свою правоту историческим прецедентом той или иной эпохи.

Нельзя забывать, что социально-политические сдвиги в Армении и Азербайджане тесно увязаны с региональными альянсами, повышенной милитаризацией и продолжающимися вооруженными инцидентами. Трагичная особенность заключается в том, что уже не одно поколение растет в условиях конфликта, не зная настоящего мира [Ткаченко, Ткаченко, 2022]. Уход советской системы, которая хоть и часто репрессивно, но удерживала конструктивное сосуществование, обнажил несовместимые интересы. Геополитическое соперничество между крупными державами в этом случае стало дополнительным катализатором, придав регионам Южного Кавказа особую значимость, далеко выходящую за их географические рамки. В результате борьба за Карабах превращается в отражение глобальных противостояний, где сталкиваются интересы России, Турции, Ирана и западных стран, а судьба местного населения отходит на второй план.

Проблематичным остается и наличие множества версий о том, как должна развиваться дальнейшая судьба региона. Для одних признание суверенитета Нагорного Карабаха становится необходимым условием длительного мира, тогда как другие видят единственно возможный путь в восстановлении всей «оккупированной» территории под азербайджанский контроль [Агазаде, 2023]. Нередко предлагают и компромиссные варианты, подразумевающие широкую автономию, конфедеративные модели или международную администрацию. Однако всякий раз упираются в то, что подобные проекты предполагают жертвование частью национальной гордости и отказ от претензий на исключительное право владения. И если рассматривать этот вопрос в исторической плоскости, то выясняется, что Карабах никогда не существовал в изоляции, а всегда был частью более крупного государственного образования, меняющегося со временем. Поэтому признание этого факта могло бы стать шагом в сторону разумного компромисса [Петросян, 2023]. Но, как показывает практика, именно этот шаг оказывается крайне трудным для политических элит и населения обеих сторон.

Анализируя влияние исторических трансформаций статуса Нагорного Карабаха на современные геополитические противостояния, понимаешь, что история здесь не просто фон для конфликта, а его постоянный движущий элемент [Елифанов, 2024]. Каждый этап открывает новые возможности для внешнего вмешательства, формирует дополнительные линии

напряжения и порождает новые аргументы в пользу территориальных претензий. Именно поэтому столь важно изучать и понимать истоки этих трансформаций, учитывая их накопительный эффект. Даже если в будущем будет найдено формальное решение, исторические раны будут давать о себе знать еще долгие годы, и роль внешних игроков в их излечении или, наоборот, усугублении, останется весомой.

Среди исследователей все шире распространяется мнение, что устойчивый мир в регионе невозможен без экологической, экономической и гуманитарной реабилитации прифронтовых территорий, а также совместных усилий по восстановлению разрушенной инфраструктуры [Аббасова, 2022]. В этом смысле история Нагорного Карабаха может стать не только проклятием, но и уроком: чрезмерное увлечение военной логикой, ставящее на первый план захват или удержание территории, без учета интересов людей и сохранения культуры, гарантирует лишь новые вспышки конфликта. Налаживание диалога, возвращение к практике культурных обменов и формирование взаимной экономической заинтересованности могли бы частично снять напряженность. Однако вековой пласт памяти и внешние силы, конкурирующие за свое место на Кавказе, затрудняют подобное сближение [Суварян, 2022]. Тем не менее без этого ни одна схема урегулирования не будет работать эффективно.

Историческая эволюция статуса Нагорного Карабаха наглядно демонстрирует, как важна роль наследия империй, советской системы и постсоветских трансформаций. На каждом из этапов разные народы и государства пытались закрепить свою гегемонию, указывая на исторические документы, этнический состав или политические решения. Сегодня эта гегемония видоизменилась под влиянием глобальных акторов, которые ищут пути укрепить свое присутствие в регионе, используя армяно-азербайджанские противоречия [Гузаеров, Майорова, 2023]. Получается, что Южный Кавказ продолжает быть ареной для столкновения интересов, а статус Нагорного Карабаха – геополитическим узлом, в котором сходятся исторические, этнические и экономические факторы. Печальная сторона состоит в том, что с годами такие конфликты лишь усложняются, а каждая попытка пересмотреть статус-кво упирается в призраки прошлого.

Понимание этой проблематики требует также учета факторов внутренней политики обеих республик. И в Армении, и в Азербайджане любую серьезную уступку оппозиция может истолковать как предательство национальных интересов, используемых для борьбы за власть. Это стимулирует жесткие позиции правящих кругов, которые не хотят рисковать своей популярностью [Дудайти, 2024]. Кроме того, внешнеполитические союзы, будь то CSTO или альянс с Турцией, формируют дополнительные ограничения, поскольку вынуждают национальных лидеров оглядываться на интересы партнеров. В результате конфигурация, возникшая из исторических трансформаций статуса Карабаха, оказывается многослойной: формальные документы, внутренние настроения, международные обязательства, энергетические и транспортные коридоры – все это смешивается в единый клубок, который трудно распутать.

На фоне этого факт существования различного опыта мирного сосуществования армян и азербайджанцев в предыдущие периоды иногда рассматривается как позитивный пример. Например, во времена Российской империи, когда местная администрация и имперское руководство пытались сохранить баланс, нередко существовали смешанные общины и относительно стабильные экономические отношения [Лобанов, 2023]. Но тогдашняя социальная структура и политические реалии уже безвозвратно канули в прошлое. В эпоху национальных государств вопрос этнической принадлежности и исторических прав обостряется

намного сильнее, чем при условно универсальной имперской модели. То есть, если в прошлом сам факт принадлежности к одной империи мог как-то сгладить конфликты, то теперь борьба за суверенитет и национальную идентичность вытесняет подобные механизмы примирения [Муртазаев, Магомедов, 2024]. Таким образом, исторические трансформации статуса Карабаха приобретают новое звучание в условиях, когда национальное строительство становится первостепенной задачей.

Сложно отрицать, что для Южного Кавказа, с его пересечением интересов России, Турции, Ирана и стран Запада, достижения стабильности возможно только при комплексном подходе, учитывающем исторический бэкграунд. В противном случае любые временные решения, вроде прекращения огня или частичных уступок, могут быть пересмотрены при смене политической конъюнктуры [Агазаде, 2023]. Особенно важно осознать, что исторические трансформации статуса Нагорного Карабаха стали основополагающим элементом идентичности многих людей в регионе, а потому любые переговоры должны содержать не только политическую и территориальную повестку, но и культурно-исторические гарантии. Без этого есть серьезный риск, что конфликт будет продолжаться воспроизводиться при первой же возможности, подкрепленный глобальными противоречиями и локальными разногласиями.

Даже на уровне международного права вопрос Нагорного Карабаха не имеет однозначного решения. С одной стороны, существует принцип территориальной целостности государств, с другой – принцип права на самоопределение народов [Ткаченко, Ткаченко, 2022]. Сквозь призму истории каждая сторона трактует их по-своему. Азербайджан подчеркивает свою территориальную целостность, а армянская сторона апеллирует к самоопределению армянского населения Карабаха, указывая на историческую принадлежность региона армянской культуре. Компромисс мог бы лежать в плоскости признания особого статуса, где были бы соблюдены права всех общин. Но его оформление требует колоссальной политической воли и международной поддержки, чего, к сожалению, пока что не наблюдается.

Заключение

В итоге нельзя дать простой ответ на вопрос, как исторические трансформации статуса Нагорного Карабаха повлияли на современные геополитические противостояния в регионе Южного Кавказа, не вникая в их глубину. Эти трансформации стали не просто частью прошлого, но и живым фактором, определяющим настоящее распределение сил, военные союзы, экономические связи и даже внутреннюю жизнь государств. И если когда-то Казалось, что советское решение проблемы навсегда закрепило определенную картину мира, то распад СССР показал – система способна быстро меняться, открывая дорогу старым претензиям [Епифанов, 2024]. С тех пор каждая попытка урегулирования опирается на досоветские, советские и постсоветские прецеденты, которые дают противоречивые сигналы, позволяющие любому из акторов найти аргументы в свою пользу.

Сегодня, в эпоху глобальной турбулентности, когда энергетические и логистические проекты приобретают новое значение, статус Нагорного Карабаха и его развитие в исторической перспективе воспринимаются как стратегический и символический ресурс [Ткаченко, Ткаченко, 2023]. Армения видит в Карабахе часть своей многовековой истории, фундамент национальной гордости, память о жертвах и героизме. Азербайджан считает эти земли исконными своими, подвергшимися несправедливому отчуждению, и использует военные и дипломатические возможности для их возвращения. Вмешательство внешних сил

лишь усиливает противоречия, так как любая из сторон рассчитывает на поддержку союзников, однако неизбежно рискует оказаться втянутой в еще более широкий конфликт интересов. Поэтому урегулирование становится в высшей степени сложным, а изучение исторических трансформаций – насущной потребностью для всех, кто стремится к долгосрочному миру в регионе.

Наследие разных эпох продолжает определять мировоззрение политических элит и простых жителей. Позднеимперские соглашения, решения советской власти, постсоветские войны, глобальные интеграционные проекты – все это оставляет след в коллективном сознании, превращаясь в аргумент для текущих политических заявлений [Муртазаев, Магомедов, 2024]. В контексте Нагорного Карабаха перемешались самые разные интересы: от стремления сохранить национальные традиции и культуру до намерения контролировать коридоры поставок природных ресурсов. Учитывая эти многоплановые аспекты, можно говорить о том, что без глубокого переосмысления исторической роли Карабаха и пересмотра подходов к региональному сотрудничеству конфликт будет продолжать угрожать безопасности Южного Кавказа.

История показывает, что любые скороспелые решения, основанные на временном превосходстве сил, не приносят устойчивого мира в таких чувствительных районах [Аббасова, 2022]. Хрупкие перемирия легко рушатся при изменении геополитической конъюнктуры. Масштаб и насыщенность конфликта заставляют сторонние наблюдатели призывать к более глубокому изучению и пониманию этих исторических корней. Геополитические противостояния на Южном Кавказе – это не просто гамбит мировых держав, но и поиск идентичности и будущего у самих кавказских наций, которые стремятся к самостоятельности в принятии решений. Очевидно, что любой итоговый формат статуса Нагорного Карабаха, будь то более широкая автономия или иной вариант, окажется лишь звеном в длинной цепи исторических переформатирований, отдаленно уходящих в века [Крылов, 2023]. И лишь тогда, когда это будет осознанно всеми сторонами, появятся шансы на конструктивный диалог.

Библиография

1. Аббасова М. Карабах - историческая территория Азербайджана // Вопросы истории. 2022. № 5-2. С. 56-66.
2. Агазаде М.М.О. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401-411.
3. Гузаеров Р., Майорова М. Карабахский конфликт и последствия его разрешения для безопасности Южного Кавказа // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. № 71 (87). С. 27-36.
4. Дудайти А.К. Геополитика на Южном Кавказе: динамика регионального соперничества Турции и Ирана после Второй Карабахской войны // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 173-185.
5. Епифанов А.Е. К вопросу становления и развития государственности Нагорного Карабаха // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. № 1 (25). С. 33-38.
6. Кобахидзе Е.И. Перспективы методологического синтеза в построении обобщающего исторического нарратива (рецензия на монографию: Боров А.Х, Муратова Е.Г., Кажаров А.Г., Азикова Ю.М. Социально-политическая организация полиэтничного пространства: Центральный Кавказ и Кабардино-Балкария в XVI-XXI веках (вопросы истории и историографии). Нальчик: КБНЦ РАН, 2021. 324 с. // Известия СОИГСИ. 2022. № 43 (82). С. 162-168.
7. Крылов А.Б. Карабахский узел кавказской политики // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 140-151.
8. Лобанов В.Б. Политическая элита Северного Кавказа в годы революции и гражданской войны: планы и реализация политических концепций // Электронный журнал "Кавказология". 2023. № 1. С. 70-78.
9. Муртазаев А.О., Магомедов О.М. Военные реформы Сефевидского шаха Аббаса I // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 4. С. 189-193.
10. Петросян Э.Б. Интересы РФ на Южном Кавказе. Геополитический анализ // Вестник Московского гуманитарно-

- экономического института. 2023. № 3-4 (91-92). С. 90-95.
11. Рындин И.Ж. Карабах - русская земля // Российский научный журнал. 2024. Т. 67. С. 63-69.
  12. Суварян Ю.М. Очерк истории государственности Арцаха и сто лет Карабахского движения // Reports of the National Academy of Sciences. 2022. С. 330-337.
  13. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 2 // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 77-79.
  14. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2022. № 11. С. 43-50.
  15. Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В. Противостояние Шамхальства и Кабарды в XVI веке (к вопросу о международных отношениях на Северном Кавказе) // Minbar. Islamic Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 263-314.

The Impact of Historical Transformations in the Status of Nagorno-Karabakh on Contemporary Geopolitical Confrontations in the South Caucasus Region

Egor A. Zherdetskii

PhD Student,
North-West Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
199178, 57 Sredny ave. V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: e.zherdeczky@yandex.ru

Abstract

This article examines the impact of historical transformations in the status of Nagorno-Karabakh on contemporary geopolitical confrontations in the South Caucasus region. The study aims to analyze the evolution of the region's status in a historical context and identify the mechanisms through which these changes contribute to the current lines of conflict in the geopolitical landscape. The introduction justifies the relevance of the issue, emphasizing the interconnection between historical processes and modern political realities, with a focus on the complex dynamics of relations between state entities and ethnic groups. The methodological framework includes a comprehensive analysis of historical documents, comparative analysis of political-geographical maps, and sociological survey data, supplemented by discourse analysis of politicians' public statements. This interdisciplinary approach allows for tracing the evolution of Nagorno-Karabakh's status and identifying key moments that have influenced contemporary confrontations. The applied methods ensure the reliability of the established correlations between the past and present state of the conflict. The findings indicate that historical changes in the status of Nagorno-Karabakh have laid the groundwork for persistent geopolitical tensions in the region, fueling nationalist sentiments and reinforcing conflicting positions among stakeholders. The analysis reveals that shifts in power structures, international recognition (or lack thereof), and changes in cultural-ethnic alliances play a decisive role in current confrontations. The results also suggest that historical memory and symbolic aspects of the past remain crucial elements in mobilizing public support for political actions. The discussion assesses the influence of these factors on the prospects for peaceful conflict resolution in the South Caucasus. Recommendations are proposed for policymakers and international experts to develop new de-escalation strategies, taking into account deep historical roots. Thus, the article

makes a significant contribution to understanding the interplay between historical processes and contemporary geopolitical dynamics, offering a comprehensive perspective on the Nagorno-Karabakh issue and potential pathways for resolving regional contradictions.

For citation

Zherdetskii E.A. (2025) Vliyaniye istoricheskikh transformatsiy statusa Nagornogo Karabakha na sovremennyye geopoliticheskiye protivostoyaniya v regione Yuzhnogo Kavkaza [The Impact of Historical Transformations in the Status of Nagorno-Karabakh on Contemporary Geopolitical Confrontations in the South Caucasus Region]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (4A), pp. 83-97.

Keywords

Nagorno-Karabakh, transformations, status, geopolitics, South Caucasus.

References

1. Abbassova M. Karabakh – A Historical Territory of Azerbaijan // *Questions of History*. 2022. No. 5-2. pp. 56-66.
2. Agazade M.M.O. The Geopolitical Situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War // *Post-Soviet Studies*. 2023. Vol. 6. No. 4. pp. 401-411.
3. Guzaerov R., Maiorova M. The Karabakh Conflict and the Consequences of Its Resolution for the Security of the South Caucasus // *European Security: Events, Assessments, Forecasts*. 2023. No. 71 (87). pp. 27-36.
4. Dudayti A.K. Geopolitics in the South Caucasus: The Dynamics of Regional Rivalry between Turkey and Iran after the Second Karabakh War // *New and Contemporary History*. 2024. No. 4. pp. 173-185.
5. Epifanov A.E. On the Issue of the Formation and Development of Nagorno-Karabakh Statehood // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. No. 1 (25). pp. 33-38.
6. Kobakhidze E.I. Prospects for Methodological Synthesis in Constructing a Generalized Historical Narrative (review of the monograph: Borov A.Kh., Muratova E.G., Kazharov A.G., Azikova Yu.M. *Socio-Political Organization of a Polyethnic Space: The Caucasus and Kabardino-Balkaria in the 16th–21st Centuries* (Issues of History and Historiography). Nalchik: KBNTS RAN, 2021. 324 pages) // *Izvestia of SOIGSI*. 2022. No. 43 (82). pp. 162-168.
7. Krylov A.B. The Karabakh Knot of Caucasian Politics // *Russia and the New States of Eurasia*. 2023. No. 1 (58). pp. 140-151.
8. Lobanov V.B. The Political Elite of the North Caucasus during the Years of Revolution and Civil War: Plans and Implementation of Political Concepts // *Electronic Journal "Kavkazologiya"*. 2023. No. 1. pp. 70-78.
9. Murtazaev A.O., Magomedov O.M. Military Reforms of the Safavid Shah Abbas I // *Historical Bulletin*. 2024. Vol. 7. No. 4. pp. 189-193.
10. Petrosyan E.B. The Interests of the Russian Federation in the South Caucasus. A Geopolitical Analysis // *Bulletin of the Moscow Humanities and Economic Institute*. 2023. Nos. 3-4 (91-92). pp. 90-95.
11. Ryndin I.Zh. Karabakh – Russian Land // *Russian Scientific Journal*. 2024. Vol. 67. pp. 63-69.
12. Suvarian Yu.M. An Essay on the History of Artsakh Statehood and One Hundred Years of the Karabakh Movement // *Reports of the National Academy of Sciences*. 2022. pp. 330-337.
13. Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. The Countries of North Africa in the 21st Century: Forming a New Social Image. Part 2 // *Asia and Africa Today*. 2023. No. 5. pp. 77-79.
14. Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. The Countries of North Africa in the 21st Century: Forming a New Social Image. Part 1 // *Asia and Africa Today*. 2022. No. 11. pp. 43-50.
15. Shikhaliyev Sh.Sh., Shumkin A.V. The Confrontation between the Shamkhalate and Kabarda in the 16th Century (on the Issue of International Relations in the North Caucasus) // *Minbar. Islamic Studies*. 2024. Vol. 17. No. 2. pp. 263-314.